

Лу Гуйюань давно распорядился, чтобы его приближенные не смели чинить препятствий, если увидят Ли Хуаймина.

Дворцовые слуги, однажды ставшие свидетелями того, как Ли Хуаймин ворвался в опочивальню, стащил императора с драконьего ложа и потащил на утренний доклад, при этом не понеся никакого наказания, прекрасно понимали, сколь безгранична милость государя к этому человеку. Даже если бы Лу Гуйюань не отдавал приказа, они бы не рискнули проявить глупость и преградить ему путь.

Хотя Лу Гуйюань больше не обладал телом зомби, его слух и обоняние по-прежнему оставались куда острее, чем у обычного человека.

Шаги гостя отдавались в его ушах с пугающей четкостью. Тук-тук-тук — каждый звук словно отзывался ударом в самом сердце.

Наконец, гость достиг дверей опочивальни, и створки медленно подались внутрь.

Лу Гуйюань в нервном напряжении вцепился в простыню.

— Ваше Величество? Я пришел, чтобы мы могли побеседовать при свечах, — раздался звонкий голос, пропитанный насмешливыми нотками.

У Лу Гуйюаня на лбу вздулись вены, а все тело напряглось, как струна.

— Ваше Величество? — не дождавшись ответа, красавец позвал снова. Интонация была такой тягучей, такой вкрадчивой и нежной.

Лу Гуйюань ответил хриплым, полным подавленного ожидания голосом:

— Мгм.

В глубине покоев послышался тихий смешок.

Шаги приблизились и замерли за пологом кровати. Яркий свет свечей проецировал на шелковую ткань стройный, статный силуэт.

Тень на пологе коснулась пояса, тот соскользнул, затем последовала верхняя одежда...

Лу Гуйюань: «...»

Он больше не мог смотреть — боялся, что если продолжит, то опозорится, пустив кровь носом.

Лу Гуйюань поспешно отвел взгляд, вытянулся в струнку, сложил руки на животе, изображая глубокий и безмятежный сон. Однако тело его становилось все более одеревеневшим, а сердце колотилось так, словно вот-вот выпрыгнет из груди.

Система презрительно фыркнула: «Никчемный. Только дошло до дела, а ты уже трусишь смотреть».

Лу Гуйюань: «Твою ж мать! Ты чего еще здесь?»

Система только собралась спросить, где же ей еще быть, как в следующую секунду все поняла: Лу Гуйюань, доведенный до крайности, каким-то неведомым образом умудрился запереть её в черном списке.

Система пришла в ужас. Неужели он восстановил свою духовную силу? Как такое возможно?

Лу Гуйюань только успел выдохнуть с облегчением, как боковым зрением заметил, что белоснежная изящная рука приподняла край полога, и в постель проскользнуло прохладное тело.

Тонкий аромат османтуса окутал его, мягкое тело медленно прижалось к нему. Красавец, дыша, словно цветок, прошептал прямо в ухо:

— Ваше Величество, я пришел. Мы можем начать?

— ...

Ли Хуаймин подождал немного, но, видя, что человек на кровати по-прежнему лежит солдатином и не проявляет никакой инициативы, снова озадаченно позвал его. Ответа не последовало. Он приподнял голову и увидел, что Лу Гуйюань крепко зажмурился и лежит с таким видом, будто действительно спит, но предательски дрожащие ресницы выдавали его с головой.

Ли Хуаймин дернул уголком рта. Раньше ведь был таким пылким, почему же после потери памяти стал таким трусом?

Небесный Путь с тревогой спросил:

— В таком состоянии он, случается, не помрет от сердечного приступа, едва начав?

Ли Хуаймин: «...»

Он толкнул лежащего рядом мужчину:

— Ваше Величество, что с вами? Неужели в самый последний момент решили пойти на попятную?

Не видя никакой реакции, он просунул руку под нижнее одеяние и ущипнул его за крепкий пресс.

Почувствовав, как тело под его ладонью резко вздрогнуло, Ли Хуаймин сузил свои фениксовы глаза. Его рука начала медленно скользить дальше, но была перехвачена сильной ладонью, которая не позволила ему двинуться в опасном направлении.

Ли Хуаймин попытался выдернуть руку, но не смог. С полуулыбкой он произнес:

— Что это значит, Ваше Величество? Неужели вы трусили?

Лу Гуйюань наконец открыл глаза, перестал притворяться мертвым, повернул голову и серьезно спросил:

— Брат Мин, за кого ты меня принимаешь?

Хотя он и пытался показать Системе, что ему все равно, но сейчас, когда дошло до близости, мысль о том, что его возлюбленный в этот момент может думать о ком-то другом, была для него невыносима.

А что, если тот человек внезапно появится и начнет искать брата Мина? Что, если брат Мин увидит его, бросит фразу «я ошибся человеком» и убежит с ним?

Он решил, что лучше подождать — до тех пор, пока брат Мин не полюбит его всем сердцем.

Ли Хуаймин, у которого никогда не было никакого бывшего возлюбленного: «...»

Нужно было воспользоваться моментом и развеять это недоразумение. Но поскольку он сам сболтнул лишнее, теперь, если он скажет, что ошибся и никакого третьего лица нет, Лу Гуйюань наверняка не поверит и решит, что его обманывают. Недопонимание станет лишь глубже.

Лучше уж просто признать это и задобрить его.

Приняв решение, Ли Хуаймин тут же изобразил скорбное выражение лица:

— Раз уж Гуйюань хочет знать, почему бы мне не рассказать? Да, был такой человек.

— ...

Лу Гуйюань почувствовал, будто услышал приговор о смертной казни. Его лицо посерело, а сам он застыл, словно каменное изваяние.

Вот что значит отчаяние. Лучше бы он не спрашивал! По крайней мере, пока красавец не признался сам, он мог продолжать грезить.

Теперь же мечта разбита, а сердце мертво.

Зачем он только открыл рот? Лу Гуйюань был готов сгрызть себе локти от раскаяния.

Затем он услышал, как Ли Хуаймин продолжает:

— Но его уже нет...

Лу Гуйюань: «...»

Он, словно смертельно больной, внезапно подскочил на кровати и хлопнул по ней ладонью:

— Туда ему и дорога!

— ...

Ли Хуаймин опешил.

Осознав неуместность своего поведения, Лу Гуйюань поспешно начал оправдываться:

— Э-э, я не то имел в виду. Я хотел сказать, как этот человек мог так легко умереть, оставив тебя одного в этом мире страдать? Это просто возмутительно и безответственно! Брат Мин, такой человек не стоит того, чтобы ты по нему тосковал. Твоя жизнь еще длинна, ты должен забыть его и начать все сначала. Посмотри на тех, кто рядом, и ты увидишь, что есть люди лучше и подходящее тебе.

Например, я.

Лу Гуйюань неистово намекал, ему оставалось только закричать: «Посмотри на меня, ну посмотри же!»

Ли Хуаймин: «...»

Изначально он не планировал говорить, что бывший муж умер. Не ожидал, что Лу Гуйюань окажется таким жестоким к самому себе: не дослушал его, сам решил, что человек мертв, и тут же принялся подкапывать фундамент.

Ли Хуаймин пристально, очень пристально посмотрел на него и, не опровергая его слов, подхватил:

— Ты прав. У меня впереди еще долгий путь, и я не должен вечно погружаться в печаль прошлого.

Лу Гуйюань взволнованно закивал в знак согласия.

— Поэтому я подумал, что можно найти другого человека, чтобы провести с ним остаток жизни. Я и не ожидал, что все сложится так удачно — появился ты. Как только я увидел тебя, возникло чувство узнавания, словно мы знакомы уже очень давно и должны были быть любящими супругами.

Лу Гуйюань так разволновался, что его руки дрожали:

— Да, да, да! Именно такое чувство! У меня к тебе то же самое. Это наша судьба! В прошлой жизни мы наверняка были очень любящей парой!

Видя, как он обрадовался, Ли Хуаймин решил продолжать его ублажать. В конце концов, тот потерял память и не поймет, что речь идет о нем самом. А когда память вернется, у него будет оправдание — мол, ты сам первый сказал, что он умер.

Он с нежностью произнес:

— Только сейчас я понял, что именно ты — моя суженая половинка. Возможно, Небеса позволили мне потерять его лишь для того, чтобы все исправить и дать мне встретить тебя. Тогда я только что пережил боль утраты и был так напуган, что если и ты уйдешь от меня, я просто не выдержу. Поэтому и сказал те слова. Не думал, что это приведет к такому недопониманию.

Говоря это, он выглядел таким обиженным и несчастным, с покрасневшими глазами, что сердце любого дрогнуло бы.

Лу Гуйюань сжал его руки, словно наконец обрел свой собственный мир. Со слезами на глазах, полный раскаяния, он сказал:

— Прости, брат Мин, это я не так тебя понял и заставил страдать.

Если бы Система не была заперта, она бы непременно выругала Лу Гуйюаня за то, что он стал слабоумным правителем, ослепленным красотой наложника. В такую шитую белыми нитками ложь не поверил бы даже трехлетний ребенок, и только этот одурманенный страстью глупец мог на это купиться.

Но сейчас сердце Лу Гуйюаня было наполнено лишь мыслью: тот человек умер, а брат Мин любит меня сильнее, чем его. Этого было достаточно.

— Я не виню тебя. Это я сказал не то, что нужно, и ввел тебя в заблуждение, но слова мои были искренними. Гуйюань, что бы ни случилось в будущем, не оставляй меня одного, хорошо? И не говори больше о том, чтобы забыть меня или искать кого-то другого. Когда тоска проникает до костей, как можно легко забыть? Тот, кого оставляют, страдает больше всех.

К концу фразы Ли Хуаймин уже не притворялся — он действительно чувствовал боль. Слезы затуманили его глаза.

Он никогда не забудет тот день, когда увидел решительную спину уходящего Лу Гуйюаня.

Впоследствии он постоянно пребывал в кошмаре, где снова и снова видел, как Лу Гуйюань уходит, и эта тоска и боль едва не сводили его с ума. Если бы не мысль о том, что его ждет маленький Юань-Юань, и то, что он не почувствовал настоящей смерти Лу Гуйюаня, он бы давно сломался.

В голове Лу Гуйюаня внезапно стало пусто. словно что-то вспомнив, а может, и вовсе ни о чем не думая, он почувствовал острую боль в груди. Глаза защипало, он протянул руки и крепко обнял Ли Хуаймина, словно желая спрятать его глубоко в своем сердце, и бессознательно прошептал:

— Прости, прости... Я не знал, что тебе так больно. Я... я просто хотел, чтобы ты счастливо жил после того, как я уйду...

Ли Хуаймин замер, а затем его глаза расширились от радости:

— Гуйюань, ты...

Он отстранился и увидел, что, хотя глаза Лу Гуйюаня покраснели, в них по-прежнему была лишь растерянность — признаков возвращения памяти не было.

Сердце Ли Хуаймина, только что взлетевшее вверх, мгновенно упало на самое дно.

Небесный Путь, занятый тем, что втихаря поглощал энергию системы, подбадривал его:

— Не падай духом! Я чувствую печать в его море сознания, она сильно колеблется. Постарайся еще, стимулируй его — может, удастся пробить печать. Если не получится с первого раза, попробуй еще.

Ли Хуаймин, вдохновленный, с новыми силами сам потянулся к его губам. Доведя Лу Гуйюаня до полного помрачения рассудка, он прошептал ему на ухо, дыша, как весенний цветок:

— Раз уж мы во всем разобрались, можем мы начать нашу беседу при свечах?

Лу Гуйюань в одно мгновение вернулся из экстаза от того, что красавец сам и так пылко его поцеловал — значит, он действительно его любит! — и его взгляд скользнул от распустившегося пиона на лбу Ли Хуаймина и его сияющих глаз вниз: к изящному носу, мягким алым губам, острому подбородку, лебединой шее, а затем и к широкому вырезу одеяния, открывающему полоску белоснежной кожи...

Его кадык дернулся. Сглотнув, чтобы увлажнить пересохшее от жара горло, Лу Гуйюань твердо произнес:

— Все равно нельзя.

Ли Хуаймин: ?

<http://bllate.org/book/21607/2228561>